

тын Михайлович жил в двух шагах от нее, на улице Ракова, и утренний поход за новостями действительно начинал с гостиницы. От расположенных к нему сотрудников (некоторым в благодарность он устраивал контрамарки в театры) он получал сведения, кто приехал и для какого высокого гостя забронирован номер в бельэтаже.

Этот неуклюжий репортер, один вид которого заставлял усомниться в его проворности, обладал чудесным даром располагать к себе и тех, от кого он получал интересные новости, и тех, кому он их приносил. Достоверно известно, что перед магией Мартына Михайловича не мог устоять сам бессмертный Шалапин.

Об отношениях между петербургским театральным репортером и знаменитым певцом передавались из уст в уста почти легендарные истории. Не всем им можно было бы поверить, если бы не существовало важное вещественное доказательство, да какое! Хранящийся в библиотеках печатный источник. Журнал "Бинокль", затеянный Двинским и выходивший... под его редакцией.

Это редкое издание, посвященное театральной и культурной жизни столицы, выходило в исторические месяцы – октябре и ноябре 1917 года. Первый номер открывался программной статьей Шалапина "Искания в искусстве". Вслед за гениальным басом шли тенорные голоса И.В.Ершова, В.Н.Давыдова, Н.Н.Ходотова и других корифеев русского театрального искусства. Рисовали для журнала Двинского художники В.Дени, М.Бобышев, молодые Б.Антоновский и К.Ротов. Какой же магической силой притяжения надо было обладать, чтобы составить оркестр из одних "первых скрипок"?

После сказанного можно с большим доверием отнестись к одному из редакционных преданий о невероятной настойчивости, ловкости театрального репортера. Должен заметить, что этот рассказ я слышал в разное время и от разных лиц, притом не только из газетных, но и театральных кругов.

Неуравновешенный характер Шалапина описан в сотнях воспоминаний, начиная с блестящей книги В.А.Теляковского "Мой сослуживец Шалапин". В настроении артиста часто происходили резкие перемены. В частности, он то милостиво снисходил до интервью для отечественной и иностранной прессы, то чуть ли не взашей выгонял назойливых репортеров. Не составлял исключения и Двинский. Случилось ему однажды попасть Шалапину под горячую руку – и тот обрушил на него весь гнев Ивана Грозного из "Псковитянки". Неважно, что послужило поводом для ссоры, но Федор Иванович разбушевался и кричал на Двинского:

– Прочь отсюда! Чтобы ноги твоей у меня не было! Не смей даже на глаза мне попадаться!

У Двинского, как видно, взграло самолюбие, и он отважился перечить самому Шалапину:

– А я приду в театр и буду смотреть на вас из партера.

– А я прикажу тебя не пускать! – все больше злился Шалапин.

– Хе! В Мариинском театре есть и повыше вас козьева...

– Ну так я петь откажусь, если увижу тебя в зале, – пригрозил вконец разошедшийся артист.

Шалапин действительно обладал громадным влиянием. Что против него какой-то замурзышистый репортер!! Двинского в театре знали в лицо, и Шалапин не сомневался, что вышибут с треском, если тот явится, несмотря на запрет.

В тот вечер давали "Фауста". Спектакль с участием Шалапина – всегда крупное событие. И когда опустился занавес после первого акта, восторженная публика разразилась бурными аплодисментами. Они не умолкали и после того, как зажглась знаменитая хрустальная люстра под потолком. Занавес вновь пошел вверх, и Шалапин вышел на вызовы.

Раскланиваясь направо и налево, он недалеке за "ямой" оркестра увидел... Двинского. Как ни в чем ни бывало, тот стоял в среднем проходе и с утроенным старанием хлопал в ладоши.

Вряд ли публика поняла, почему артист гневно нахмурился и сделал резкое движение назад,

как будто намереваясь уйти со сцены. Но у главного капельдинера, прозевавшего Двинского, потяжелело на сердце: "Ну, будет буря!"

Но случилось совсем наоборот. Забыв, что на него смотрят тысячи глаз, Шалапин, к общему недоумению, громко и заливисто расхохотался. В полном смысле слова – от души, никого не стесняясь. Прежнее недовольство успело исчезнуть. Как человек умный, он сообразил, что газетный хват Двинский перемерфистофил самого Мефистофеля!

Спешно опустили занавес. Шалапин, не переставая смеяться, ушел к себе в артистическую уборную и приказал доставить к нему пронырливого репортера.

Двинского мигом изловили и под конвоем двух капельдинеров препроводили перед светлые очи Федора Ивановича.

– Ну и бес! Ну и пролаза! – восклицательно встретил его артист и потребовал: – Вылезайвай, как тебе удалось пробраться в зал. Кто нарушил мое распоряжение? Да не бойся, говори честно, никому я не оторву голову!

– Секрет изобретателя. Федор Иванович! – ухмыльнулся Двинский. Но когда Шалапин пригрозил, что запрет его в уборной и не выпустит, пока не получит ответа, решил не возбуждать вновь его гнев и выложил все начистоту.

В те времена декорации для каждого спектакля в Мариинке доставлялись со склада, находившегося в нескольких милях от театра где-то на Екатерининском канале. Сколько раз я видел своими глазами, как за полчаса до начала спектакля десяток дюжих носильщиков появляется у заднего фасада здания. На плечах у них огромный холщовый "задник", накрученный на длинный толстый шест. Декорацию вносили в широкие ворота, ведущие прямо на сцену, и с помощью веревки, развертывая постепенно, поднимали к колосникам.

В сумерках Двинский подстерег приближение носильщиков с декорацией и, улучив удобный момент, пристроился позади. Последний из них охотно дал ему ухватиться за конец шеста. Под прикрытием декорации сообрази-

тельный репортер свободно проник в здание театра. Трюк, достойный великого Чарли Чаплина!

Ориентироваться за кулисами Двинскому ничего не стоило. В укромном уголке за грудками старой бутафории он затаился до тех пор, пока не донеслись из зала медлительные звуки оркестрового вступления к "Фаусту". А потом хорошо знакомыми ему ходами и переходами прошмыгнул в темноте в зрительный зал и дождался антракта, чтобы при полном освещении явиться перед ошеломленным Шалапиным.

Доводилось слышать и другие правдоподобные истории о похождениях неудержимого репортера. Шутя, что Двинский весь "ходит в анекдотах", как медведь в репейниках. Это несколько его не волновало, а лишь упрочивало его славу первоклассного добытчика информации. С годами у него прибавилось амбиции и притупилось обязательство для профессионального репортера чувства ответственности за каждую строку, которую он диктует машинистке или передает по телефону в редакцию. Мартын Михайлович иногда стал допускать поспешность и верхоглядство, что сплошь и рядом приносило ему большие неприятности.

В середине тридцатых годов один его промах получил широкую известность не только в очереди у кассы, но и в официальных органах, ведавших искусством. С грехом пополам читая по-немецки, Двинский иной раз выуживал информацию из приходивших в Ленинград зарубежных газет и журналов, продававшихся в киоске гостиницы "Европейской". И вот в одной немецкой газете, издававшейся за пределами гитлеровской Германии, ему на глаза попала большая статья, начинавшаяся потрясшими его словами: "Величайший дирижер современности Отто Клемперер умер..."

Дальше читать он не стал и со всех ног побежал в редакцию вечерней газеты. В отделе искусств, конечно, воздали должное его оперативности и согласились с предложением взять отклики у крупнейших музыкальных деяте-

лей Ленинграда, лично знавших Отто Клемперера.

– Вас кто больше устраивает – Асафьев, Щербачев или Буцкой? – деловито осведомился Двинский, хорошо знакомый с ведущими профессорами консерватории. – А может быть, хотите всех троих?

И на следующий день под кратким сообщением о безвременной кончине знаменитого дирижера, набранным жирным шрифтом, появились беседы, записанные Мартыном Михайловичем.

Прошло три-четыре дня, и разразился скандал. Невиданный и неслыханный. Доподлинно стало известно, что Клемперер жив и здоров. Более того, собирается приехать на гастроли в Ленинград, который не посещал с 1929 года.

Когда Двинского потребовали "на расправу", он оторопел:

– Клемперер не умер? Не может этого быть! Да я же читал собственными глазами...

Вот и доказательство – тот самый номер немецкой газеты. Нет, не газета подвела чересчур торопливого репортера. Ошеломленный громким событием, он просто не потрудился дочитать фразу до точки. А газета, которую выпускали в эмиграции немецкие антифашисты, писала: "Величайший дирижер современности Отто Клемперер умер для фашизма".

Несмотря на происшедшие у него "осечки", Двинский продолжал держаться на газетной волне и по-прежнему доставлял интересные заметки то в одну, то в другую редакцию. Он находил где печататься и после того, как закрылась и долго не выходила в Ленинграде городская вечерняя газета.

Положение его резко ухудшилось, когда с половины 1941 года были введены продовольственные карточки. Выяснилось, что Мартыну Михайловичу негде их получать, поскольку он не состоял в штате ни одной редакции.

Приют старому репортеру дала молодежная газета "Смена", продолжавшая выходить в годы войны. Большинство ее сотрудников ушло в армию. Поэтому Двинскому, хотя силы у него убывали и здоровье ухудшилось, приходилось единолично заменять всех сотрудников отдела хроники. Но особенно ему удавалось "развернуться", когда по сигналу воздушной тревоги все сотрудники редакции в обязательном порядке спускались с пятого этажа в подвал. На первых порах за этим строго следили местные группы ПВО.

Коротая время в бомбоубежище, Мартын Михайлович знакомил неосведомленную молодежь с живописными эпизодами как давней жизни Петербурга-Петрограда, так и своего газетного прошлого. Сколько удивительных встреч, бесед с замечательными людьми, необыкновенных приключений в погоне за "баццллой" (так в отделе хроники называли сенсационное сообщение)! Его живые и занимательные рассказы помогали подвять настроения, отвлекать от тревожных мыслей о грядущей опасности.

Публикация
Аркадия МИЛЬЧИНА

- М.О.Янковский (в центре) на вечере в Ленинградском Дворце искусств (1958)
- А.Н.Феола
- Ф.И.Шалапин – Мефистофель

